
Послесловие к лекции для молодежи (учащимся 9-ых классов)

1948 — 1949

Александр Федорович Котс

Заканчивая свою беседу с Вами, мне хотелось бы, в пределах остающегося времени, наглядно увязать проблемы **знания** с вопросом **воспитания**.

И в этих целях мы вернемся к нам уже знакомому Отделу «Одомашненных животных» и заставим еще раз пройти перед глазами нашими четвероногих спутников нашей культуры.

1. Мы начнем с создания, оклеветанного за свой нрав: с **домашней Кошки**.

Я спрошу Вас: Чем всего сильнее и наверняка можно обидеть кошку и кота?

Я слышу: «Палкой», или «Ухватив за хвост!» Суждение справедливое, но не типичное по отношению к кошкам и котам: Хвост — не дверная ручка, избегают палку многие Млекопитающие и повыше кошек...

Специфично недолюбливают кошки и коты — **воды!** Выкупать кошку — для нее большая неприятность, выкупать кота — почти что уголовщина...

Легко понять причину этого. Кошка **домашняя** произошла от **дикой**, называемой «буланой», уроженки знойной маловодной степи и пустыни Африки, Месопотамии, Центральной Азии.. И нелюбовь свою к воде и сырости **дикая** кошка по наследству закрепила за **домашней**.

Внешний вид животных изменился — нрав остался тем же самым!

2. Сходную картину представляют **Овцы** и **Бараны**, существа неприхотливые по корму, но боящиеся **сырости**. Понятно, почему.

Аборигены маловодной степи и сухой нагорной зоны, **дикие** бараны (будь то среднеазиатские Архары или средиземноморские Муфлоны..) недолюбливают сырости. Легко понять, что это свойство унаследовали их домашние потомки.

Внешний вид животных изменился — нрав остался тот же самый!

3. Совершенно иначе рисуется нам дело у **Свиньи**: Как ни старайтесь Вы держать ее подальше от воды и сырости.. ее все в лужу тянет. И понятно, почему.

Родоначальник нашей одомашненной свиньи — дикий **Кабан** — типичный уроженец камышовых топей и болот, на что указывает самое строение ноги, глубоко расщепленной, приспособленной к передвижению по низменной и вязкой почве.. Эту страсть к воде и сырости **домашняя свинья**, конечно, унаследовала от бывшего предка, как и расщепленное копыто...

Внешний вид животного преобразился, нрав остался неизменным.

4. Большинству из Вас, конечно, приходилось видеть молодых **Козлят**.. Едва родившись, молодой козленок проявляет страсть, стремление к лазанью, влезать на камень, на бревно, ступеньки лестницы а, в крайнем случае — мамашке на спину...

Зачем, к чему и почему? Ответ не представляет затруднения.

Произошла домашняя коза и одомашненный козел от **дикого козла** (носящего название «Безоарового») — обитателя высоких гор, скалистых круч... Легко понять, что и при содержании в равнинах одомашненных козлят стихийно, инстинктивно тянет вверх, на зов к горам, зов крови прирожденных «альпинистов».

Внешний вид животных изменился — нрав остался неизменным..

5. Обратимся к крупному рогатому скоту. Домашний **Бык**, в отличие от большинства коров, нередко проявляет еще свойства своего бывшего дикого родоначальника, свирепого «Буй-Тура», — **дикого быка**, сравнительно недавно вымершего, но когда-то широко распространенного в Европе и служившего излюбленным трофеем на великокняжеских охотах, в частности Владимира Мономаха..

Внешний вид животного переменялся, — нрав частично сохранил черты бывшего дикого родоначальника..

6. Пример домашней **Лошади** не менее поучителен. Какое свойство — так естественно спросить — присуще лошади в отличие от остальных копытных? Замечательная приспособленность к различным климатам, способность хорошо переносить и холода Якутии, и зной Сахары и Туркмении.

Способность эту можно без труда понять, припомнив, что родоначальницей домашнего коня — дикая лошадь Пржевальского — живет в Джунгарии, Центральной Азии с ее типичнейшим континентальным климатом, чередованием жгучего холода со жгучим зноем...

Внешний вид животного преобразился — нрав во многом сохранился неизменным.

7. Перед нами заключительный пример — самого древнего и преданного спутника нашей культуры и отчасти наиболее поучительный — **Собаки**.

Всем известно отличительное свойство этого животного: отмеченная писателями всех времен и всех народов, от Гомера и до Метерлинка — трогательная привязанность к человеку, преданность глубоко бескорыстная, единственная, беспримерная...

И свойство это тем труднее объяснимо — так казалось бы — что прародителем собак считают .. **волка**.

Небоясь упрека в парадоксе, я открыто заявляю: потому то и привязчива **Собака** к человеку, что ведет она начало от привязчивого **Волка**. А что это так — в этом нетрудно убедиться из последующего моего рассказа.

Это было **тридцать** с лишним лет тому назад, когда мы все, и Вы, и я, были значительно моложе, чем теперь...

Какими, и **где** были Вы в то время — я не знаю. Сам же я был тогда Директором Московского Зоологического Сада.

Наша Родина, и в частности Москва переживала трудное и героическое время: Интервенция, блокада, мерзлая, голодная, тифозная столица и на ее фоне умирание Зоологического Сада от бескормицы и недостатка топлива.

Как чуть ли не единственного остававшегося в городе зоолога, причастного к Зоологическому Саду **Наркомпрос** призвал меня и предложил категорически взять на себя дирекцию над Садам, угрожая в случае моего отказа ликвидацией его путем рассылки, распыления животных по другим районам, лучше обеспеченным и продовольствием и топливом.

Отлично зная хлопотливость учреждения, я все же согласился из любви к животным и пробыв в нем целые четыре года, в меру сил помог прожить те трудные годы.

Но — не в этом дело.

Как то раз весной, мне директору Зоологического Сада, прислан был из муромских лесов подарок в виде деревенского лукошка, а в лукошке были не клубника, не грибы, а нечто более мне ценное: в лукошке было восемь маленьких **волчат**.

Миниатюрные, размерами с хорька, с густой и бархатистой почти черной шубкой они были восхитительны.. Мне было жаль сажать их в клетку, из боязни, что они там захиреют, я им предоставил крытую веранду, лишь отгородив от публики решеткой...

Оставаясь, таким образом, на свежем воздухе, волчушки превосходно ужились и стали подрастать.. И до чего же они были ласковы, привязчивы! Бывало к ним войдешь, прильнут они к ногам, прилипнут и не оторвешь их от себя...

Но миновало лето, наступила осень, выросли волчушки стали молодыми, «прибылыми», настоящими волками.. и на очереди стал вопрос о водворении их в клетки...

Но легко сказать — труднее сделать: кроме самого меня, как и моей жены, волчушки никого не признавали и внушительно оскаливались при одном лишь виде сторожей...

Не оставалось ничего другого, как мне лично озаботиться их водворением по клеткам, взяв порознь каждого волка на руки и на руках перенести через весь Сад, до павильона с хищными животными.

Восемь волков, восемь ношений, восемь переходов через Сад.. И вот, пока я нес каждого волка на руках каждый из них мне физиономию лизал.. Восемь волков — восемь волчиных лобзаний...

Но и после водворений волков по клеткам моя дружба с ними не ослабевала, вопреки тому, что с удалением их с директорского дома, я все меньше мог им уделять внимания, входя к ним в клетку, или проводя их на прогулку, на цепочке по Зоологическому Саду...

К сожалению, или по счастью, все на этом свете рано или поздно, но имеет свой конец. Пришлось мне против воли с Садам распрощаться, вопреки тому, что со зверями, в частности волками, я ужился превосходно, не поладив только с некоторыми из двуногих..

Целый год не довелось мне быть в Саду. Но как то раз я вспомнил о своих друзьях по Зоосаду — я имею здесь в виду волков — решил их навестить. Мы больше года не видались. Тем нежнее была встреча.

В ясный зимний день, одетый в шубу, неизвестную моим волкам, я подходил к моим былым питомцам и немедленно был ими узнан.

Трудно описать волнение и радость их при моем входе в клетку: Как безумные волчушки стали прыгать и скакать, подвизгивать и подвывать, тесным кольцом любовно окружив меня, они облапили меня и ..облизали. Восемь волков — восемь волчиных лобзаний....

И на примере этом я хотел лишь показать, что говорить о «нелюдимости» волков приходится только весьма условно:

Волки жмутся к человеку и трагедия лишь в том, что человек не отвечает им взаимностью...

Но если так, то можно без труда понять, как просто и легко осуществилось некогда, в доисторическое время, приручение волков, их превращение в собаку: первобытный человек, эпохи Неолита, «ново-каменного века» очень скоро без труда, подметил приручаемость волков, точнее: волки сами навязались на одомашнивание, на дружбу с человеком, удержав, усилив, закрепив под его кровом и под обликом собаки ту привязчивость, которая доселе скрыто присутствует в раскосом волчьем взгляде, его мнимой нелюдимости...

Вот, почему наш пес-барбос такой привязчивый: произошел он от привязчивого к человеку волка, только подтверждая лишний раз наш основной, руководящий вывод:

Внешний вид животного меняется быстрее его нрава, остающегося долго неизменным.

А теперь сведем концы с концами всему сказанному до сих пор.

Перед глазами нашими прошли, продефилировали все главнейшие четвероногие попутчики, сотрудники нашей культуры: наш домашний **Кот, Овца, Свинья, Коза, Корова, Лошадь** и **Собака** и везде одно и то же:

Внешний вид животных изменился до неузнаваемости по сравнению с их диким предком, нравы и повадки долго и упорно сохраняются.

Но справедливое по отношению к животным это положение наводит иногда на грустные и оскорбительные аналогии, касающиеся людей.

И в самом деле. Или мы не знаем случаев, когда девица в классе (говорю я **не** о Вашей школе, а о некоей соседней..) — образец усердия и поведения, а по приходе, возвращении домой — несноснейшее существо.

Достаточно отцу и матери такой девицы сделать ей коротенькое замечание и на весь вечер дочка делается невменяемой, ходит надутая, теряет слух и речь и это в лучшем случае, а в худшем — реагирует словами грубыми и раздраженными...

Такой «Мимозе», — грубиянке хочется сказать: Что в том, что внешний вид твой отвечает современности фасоном платья, куафюрой, высотой плеч?! — если скрываются за ними отголоски психики людей Палеолита, неумение сдерживать себя, владеть собой, воспитывать себя...

Что в том, что внешний вид твой изменился, и отметки блещут изобилием «пятерок», — если нрав остался на ступени первобытной грубости и бескультурия!

Но берем другой пример. Девица села за приготовление уроков, начинает с подготовки книг, тетрадей, перьев и карандашей, то и другое в совершенстве, обещая ценную продукцию.

Не то на деле. Не успела дева приступить к занятиям, как заработал телефон.

— «Ах, это ты, Зинуша, ты, Манюша, Манечка и Танечка! Ты ждешь меня внизу? Новая кино-лента, новый фильм, сейчас, сию минуту я спущусь! Ты спрашиваешь про уроки? Что — уроки! подождут, не к спеху! Я сейчас приду, не опоздать бы к первому сеансу!»

Миг-другой и опустела комната и лишь осиротевший карандаш, прекрасно очиненный говорит о добрых, о благих намерениях, которые без воли к выполнению, годятся лишь на мостовую...

И опять, и снова хочется сказать (а говорю я не про Вашу Школу, не про Вас, а про возможную соседнюю!):

Допустим, что в стремлении своем скорее увидеть новую вещь в Кино девица наша утешает себя тем, что, поступая так, она старается не отставать от требований дня, культуры современности. Но покупается это похвальное намерение дорогой ценой: потворством бесхарактерности и безволию, готовностью поддаться на любое искушение...

Не против посещения Кино — и всего прежде нашего чудесного Советского — но против поступания очередной ответственной **работой** ради безответственного **развлечения** и всего прежде, за культуру воли и характера, настойчивости и терпения — таков ближайший вывод приведенных двух, хотя бы и воображаемых примеров.

Поступить иначе и довольствоваться лишь успехами образования, или пассивного лишь восприятия теперешних культурных благ, — ценою небрежения к культуре нрава и характера, — не значило бы это уподобиться вышерассмотренным зоологическим примерам косности **повадок** наряду с изменчивостью **внешних** обликов.

Полезно помнить: подлинная высота культуры целого народа и отдельного лица определяется не только высотой **техники**, успехами науки и искусства, но в неизмеримо большей степени **моральным** уровнем и показателями **нравственного** содержания: культуры сердца и морального преуспеяния.

Заканчивая настоящую мою беседу с Вами в направлении увязки воспитательной проблемы и образовательной, я, на прощание, переведу внимание Ваше на конкретно-положительную сторону интересующего нас вопроса.

Перед нами пара ящичков с тропическими бабочками, несравненными по красоте и блеску.

Начинаем с бабочек Индо-малайского архипелага: крупные, величиною с блюдце, они резко разнятся по полам в отношении окраски: темно-буровой с редкими пестринами у самок и сверкающей чистейшим золотом-смарагдом у самцов.

В отличие от самочек, держащихся вблизи земли, самцы отдельных видов носятся над высочайшими вершинами тропических деревьев, где добываются они ни сетками-сачками а при помощи миниатюрных луков.

Мысленно вообразим картину: Молодой даяк, или малаец, стройный бронзовый подросток- мальчик, при-мостившись высоко в развилке дерева с настроженным луком, выжидает появления, налета бабочки, чтобы нацелить на нее стрелу...

И пораженная стрелой, такая бабочка, кружась подобно маленькому яркому смарагдовому самолету, падает на землю, чтобы пересекши океаны, показаться в Дарвиновском Музее...

Обращаемся к второму ящичку с его воистину волшебным содержанием.

Перед нами сказочные сочетания сверкающей лазури с перламутром — бабочки Бразилии из группы «Морфо», несравненные, непревзойденные по красоте и блеску своего наряда. Тридцать лет, что я люблюсь ими и не в состоянии налюбоваться, проникаясь каждый раз все более глубоким чувством трепета и пиетизма в отношении тех сил Природы, что способны породить такую сказочную красоту...

И расставаясь с этими живыми некогда смарагдами и перламутрами, уместно завершить их демонстрацию и мою лекцию одним последним заключительным вопросом:

Для чего я показал Вам на прощание эту пару ящичков?

Совсем не для того, чтобы Вы, расходясь и уходя из **Дарвиновского Музея**, так переговаривались меж собой:

— «Какие там хорошенькие бабочки!»

Но чтобы Вы все поняли, прониклись всей чистотой Ваших молодых сердец, что жизнь каждого из Вас, каждой из Вас, может сложиться ярче, лучезарнее, чем изумительные крылышки моих бразильских бабочек... Но только при одном условии.

Есть, существует в мире и людском быту один незыблемый **Закон**. О нем Вам, правда, ничего не говорят Ваши учебники по Химии и Физике, и не ищите его там, хотя Закон этот ценнее и важнее для людей, чем все законы, управляющие мертвой и недвижимой Природы.

И **Закон** этот гласит:

«Жизнь каждому дает в меру того, что сами мы в нее привносим!»

Внесите в Вашу жизнь глубину, идейность, чувство долга и ответственности в отношении себя и близких, перед **Родиной** и человечеством и Ваша жизнь засверкает самыми чудесными цветами, изумительными красками....

Позвольте же мне думать, более того, быть полностью уверенным, что пребывая в Школе и по оставлении ее, когда по окончании Вашего учения двери Школы навсегда для Вас закроются и двери Жизни распахнутся перед Вами, Вы приложите все силы молодого пафоса и разумения к тому, чтобы остаться на всю жизнь достойными сынами или дочерьми Великого Народа!